

*«Они говорили мне, что я не человек, а ничтожество,
что лучше бы я был террористом, чем педиком»*

Доклад о фактах преследования ЛГБТ в регионе Северного Кавказа.

Подготовлен МОД «Российская ЛГБТ-сеть»
в сотрудничестве со специальным корреспондентом
«Новой газеты» Еленой Милашиной.

Санкт-Петербург,
2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	2
Политико-культурный контекст: традиционализм и нормы нравственности в Чеченской Республике.	3
Организованные властью Республики Чечня преступления против гомосексуальных людей на Кавказе	5
Незаконные аресты: основания для задержания	7
Условия содержания в местах заключения: пытки и иное жестокое обращение, унижающее достоинство	10
Роль властных структур Чечни в преступлениях против человечности.....	13
Семья: преступники или жертвы?.....	18
Проблема ЛБТ-женщин на Северном Кавказе	20
Расследование: преступление против человечности	22
Заключение.....	26

ВВЕДЕНИЕ

В конце марта активисты Российской ЛГБТ-сети получили первые тревожные сообщения из Чечни. Большая волна потерпевших обратилась в Сеть за помощью из-за вопиющих преступлений, совершаемых правоохранительными структурами. Потерпевшие сообщали, что полиция преследует их из-за сексуальной ориентации.

Первыми к нам обратились мужчины-геи из Чечни. Тогда правозащитные организации с представительством в Чечне, а также организации, занимающиеся проблемами Чечни за пределами республики, принялись собирать показания местных жителей, чтобы начать независимое расследование и принять срочные меры.

Сеть запустила круглосуточную «Горячую линию» специально для потерпевших из Чечни. Линия стала частью программы экстренной помощи, которая с 2013 года обеспечивает срочную поддержку тем, кто находится в сложной ситуации из-за сексуальной ориентации или гендерной идентичности. Жертвы преследования напрямую связывались с координатором программы по телефону или электронной почте и сообщали об угрозах. Координатор оценивал потребность заявителей и адекватность их показаний. На этих основаниях он решал, как Сеть может срочно помочь заявителю.

За четыре месяца в Российскую ЛГБТ-сеть обратилось более 130 человек из Чечни и соседних республик Северного Кавказа – люди сообщали об идентичных угрозах и фактах преследования со стороны властей или родственников и просили о помощи. Большая часть запросов касалась помощи с эвакуацией. Сотрудники Сети вывезли из региона 64 человека и разместили их в безопасных жилищах – шелтерах в Центральной части России. Мы обеспечили вывезенных потерпевших тем, в чем они нуждались – жильем, питанием, транспортным перемещением и др. Всем потерпевшим предоставляются услуги социальной и психологической помощи.

Команда Сети задокументировала 33 кейса с показаниями жертв о преследовании из-за сексуальной ориентации или гендерной идентичности (СОГИ). Личные истории потерпевших формируют общие черты преступлений, направленных против ЛГБТ на Северном Кавказе. Они позволяют утверждать, что власти напрямую участвовали в организованных кампаниях – свидетельства указывают, что за совершенными во время «чистки» преступлениями стоят одни и те же исполнители и заказчики.

Данный доклад – предварительный. Мы составили его с помощью анализа показаний потерпевших и свидетелей, которые выехали за пределы Северного Кавказа. Активисты Российской ЛГБТ-сети вместе с журналистами «Новой газеты» лично опрашивали уже эвакуированных жертв и записывали истории для общественного расследования. Мы продолжаем собирать свидетельства. Жертвы продолжают обращаться к нам, они готовы анонимно заявлять о нарушении фундаментальных прав человека в Чечне и соседних республиках.

Жестокость правоохранительных органов к ЛГБТ проявлялась задолго до начала кампании по задержанию гомосексуальных людей в Чечне. Настоящий доклад охватывает только несколько временных периодов, в которые повторялись систематические преследования людей в связи с сексуальной ориентацией/гендерной идентичностью. Первая волна незаконных задержаний длилась с декабря 2016 до февраля 2017 года. Вторая – с марта 2017 до Рамадана (май 2017). Третий период начался в день окончания Рамадана, в июне 2017, и длится по сей день.

Чтобы обезопасить потерпевших, мы обезличили все показания и опустили фактические детали, которые могут указать на личность жертвы. Каждый потерпевший составил и подписал согласие, чтобы обозначить рамки публичности своего случая. Все сведения, проанализированные для доклада, мы используем строго в соответствии с этими согласиями.

ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ: ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И НОРМЫ ПРАВСТВЕННОСТИ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Весной этого года стало известно о массовом преследовании граждан гомосексуальной ориентации на территории Чеченской Республики. Все жертвы преследования рассказывают о репрессивной кампании, которую организовали власти республики. Осуществляли кампанию представители силовых структур Чечни.

В российском обществе царит высокий уровень гомофобии, но массовые задержания, пытки и убийства ЛГБТ представителями власти по мотиву ориентации — преступление, невозможное ни в одном регионе России, кроме Чеченской Республики.

Преступление стало возможным из-за разных факторов. Главный из них — многолетняя политика федеральных властей России в отношении модели управления, которая существует в Чечне за счет внешней поддержки. Российские власти несут ответственность за нарушения прав человека в Чечне на протяжении последних десяти лет.

В 2007 году администрация страны привела к власти 30-летнего Рамзана Кадырова, делегировала ему полномочия внутри республики, обеспечила щедрую финансовую поддержку и гарантировала правовой иммунитет. Безнаказанность и неуязвимость перед российским законом стала основой абсолютистского режима в Чеченской Республике. Этот режим Москва сознательно выбрала, чтобы усмирить сепаратистские настроения чеченского общества, которое участвовало в двух военных кампаниях против России.

Правовой иммунитет, который получили чеченские власти и силовики, изначально обосновывался главной задачей — борьбой с чеченскими исламистами. Однако основной целью Москва ставила перед собой полное искоренение руками Рамзана Кадырова не столько исламистских настроений, сколько поддержку таковых в республике. Для этого правительство выбрало такой метод борьбы, как коллективная ответственность в форме массового террора. Коллективная ответственность применялась в сталинские времена, когда семьи «врагов народа» были репрессированы по причине кровного родства.

В Чечне этот принцип усилился вайнахскими традициями, в которых роль играют не только сами родственные связи, но и ответственность перед тейпом — родовым кланом. Принцип коллективной ответственности в сочетании со спецификой вайнахского менталитета породил массовые задержания родственников в качестве заложников, поджоги, сносы домов, выселения семей боевиков из Чечни, лишение средств к существованию близких и дальних родственников. Также в Чечне практикуют общественные судилища — организованные по команде властей народные сходы, на которых представители рода, односельчане и старейшины публично осуждают и требуют сурового наказания для родственников того, кого власти считают преступником.

За десять лет правления Кадырова исламистское подполье в Чечне было практически уничтожено. Однако статистика свидетельствует, что в эти же годы снижение активности исламистов происходило во всех турбулентных регионах Северного Кавказа — Дагестане,

Ингушетии, Кабардино-Балкарии. В этих регионах также проводилась жесткая силовая политика в отношении боевиков, но метод коллективной ответственности не применялся нигде, кроме Чечни. Регионы Северного Кавказа, пораженные радикальным исламом и пережившие активные фазы борьбы с ним, остались в поле российского правового пространства. Чечня, однако, оказалась за его пределами.

Начиная с 2011 года, когда уровень террористической активности в регионе по статистике начал снижаться, абсолютистский режим в Чечне стал искать новое топливо, чтобы оправдать свое существование. Таковым в республике стало инакомыслие в любых сферах жизни чеченского общества: семье, религии, культуре, традициях. Под предлогом сохранения нравственности и морали чеченского общества власти инициировали борьбу как с алкоголизмом, наркоманией и высокой смертностью в ДТП, так и с правами женщин, мусульманами-салафитами, свободой слова, молодежными субкультурами и другими отступлениями от архаического понимания чеченских традиций. Диктат фундаментального традиционализма, процветающий в Чечне, жестоко карает за каждое проявление личности, идущее вразрез с архаичным пониманием и абсолютизацией правил жизни в чеченском социуме. При этом методы конструирования «идеального» общества похожи на то, как чеченская власть боролась с боевиками: с помощью задержаний, пыток, внесудебных казней.

Первые массовые репрессии против инакомыслящих правозащитные организации зафиксировали в Чечне в 2013 году. Это были задержания чеченских салафитов. Точнее тех, кого таковыми считали местные силовики, ориентируясь в первую очередь на внешние признаки – одежду, форму бороды и усов. Задержанных по подозрению в салафизме местная власть официально приравнивала к террористам и незаконно удерживала в «секретных тюрьмах». Их роль в Чечне уже много лет выполняют подвалы и подсобные помещения при отделах полиции. Практика массового незаконного лишения свободы в Чечне берет начало с многочисленных фильтрационных лагерей, созданных во время первой и второй чеченских военных кампаний российскими федеральными военнослужащими. После окончания военных действий на базе этих фильтрационных лагерей создавались отделы чеченской полиции, подавляющую основу которой тогда составляли амнистированные боевики.

Вслед за салафитами, чеченские власти объявили кампанию по борьбе за здоровый образ жизни, в ходе которой массово наполняли «секретные тюрьмы» новой категорией задержанных – людьми, подозреваемыми в употреблении алкоголя, наркотиков, вождении автотранспорта в нетрезвом виде. Чеченские власти также публично приравнивали их к террористам и «ваххабитам». С началом массовых задержаний инакомыслящих пытки и избиения стали не столько способом реализовать полицейские функции, сколько мерой перевоспитания инакомыслящих. Также важное место в этом карательном инструментарии занимает активное вовлечение родственников в момент, когда задержанных выпускают из «секретных тюрем». В отделах полиции собирают родственников задержанных, в их присутствии задержанных оскорбляют, унижают и заставляют публично признать вину, затем публичному позору подвергаются и родственники. В этой процедуре, помимо полицейских, задействованы и высокопоставленные чеченские чиновники, а также местные религиозные деятели. Высокопоставленные лица часто участвуют в такого рода «профилактических» мероприятиях, которые становятся главными темами новостных сюжетов местного телевидения.

Местные СМИ и министерство печати Чечни играют отдельную роль в утверждении безраздельной власти Кадырова в республике. На ее территории отсутствуют свобода слова и плюрализм мнений. Полностью защищенное информационное пространство позволяет высокопоставленным чиновникам уверенно говорить от лица всего чеченского народа. Что думают жители Чечни на самом деле – неизвестно. Одно неосторожное слово в Чечне может стоить здоровья, свободы или даже жизни.

Изначальная задача – установление полного контроля над населением республики – привела к установлению тоталитарного режима власти, основанного на культе личности. Классические признаки этого культа не только не скрываются, но и активно демонстрируются как российскому обществу, так и всему миру. Несмотря на многочисленные заверения федерального центра о полной лояльности и правовой интеграции, чеченское правительство неоднократно демонстрировало, кто является реальным и единственным центром власти в Чечне. Ни разу заявлениям, которые в соответствии с российским правом подпадали под определение «экстремистских», не была дана должная юридическая оценка. Пассивная позиция Генеральной Прокуратуры и Следственного Комитета России, бездействующих по команде Кремля, укрепляет чеченскую верхушку в своей безнаказанности.

На данный момент власть в Чечне окончательно перестала стесняться в средствах. Карательные кампании, как точечные в отношении «критиков режима», так и массовые, стали обязательной частью жизни чеченского общества. В этих обстоятельствах чеченское ЛГБТ-сообщество, концентрированно воплощающее в себе все, с чем борется чеченская власть в последние годы, стало очевидной мишенью.

ОРГАНИЗОВАННЫЕ ВЛАСТЬЮ РЕСПУБЛИКИ ЧЕЧНЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГОМОСЕКСУАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ НА КАВКАЗЕ

ЛГБТ Северного Кавказа находились под пристальным вниманием правоохранительных органов задолго до того, как информация о массовых задержаниях и пытках облетела мир весной 2017 года. С похожими историями с применением физического насилия во время незаконных удержаний под арестом некоторые потерпевшие сталкивались с конца 2000-х годов. Полицейские и военные организовывали подставные свидания для геев, чтобы потом шантажировать и вымогать деньги за молчание о раскрывшейся сексуальной ориентации или гендерной идентичности жертвы. Подобный сценарий обогащения нередко используют преступники и в других субъектах России. Однако ни в одном регионе страны не было зафиксировано прямое взаимодействие правоохранителей с преступниками в аналогичных подставах. В Чечне сумма, которую требуют за неразглашение личной информации о жертвах, разнится, по сообщенным свидетельствам, от 20 тысяч до более чем 1 миллиона рублей.

А.В.

«Это было в 2009 году. Я познакомился с человеком в чате, обменялись фотографиями. Он клялся, божился, что он надежный. Приехал ко мне, я вышел и сел к нему в машину. Мы выехали за город, увидели на дороге двух парней, и он предложил их подвезти, так как было поздно. Я ничего не подозревал. А когда они

сели, он сказал: "Ага, попался". Они вытащили меня из машины и начали избивать, забрали у меня телефон и деньги. Привезли меня обратно, и больше я их не видел. Потом я уже узнал, что такое бывало часто, и что люди специально знакомились с геями потому, что они не куда не заявят».

В.С.

«Помню, в 2012 я находился вместе с другим мужчиной-гомосексуалом у себя дома, ему позвонили знакомые. Внезапно в квартиру зашли участковые, 10-15 человек, всех выгнали, меня начали избивать, забрали в участковый отдел. Сказали, что если кого-то дома у меня еще увидят, то мне будет "очень плохо", и чтобы они меня не видели больше в том районе вообще, чтоб я уехал из Чечни. Через несколько дней они снова пришли. У меня в гостях были молодые ребята. Вообще ничего такого, мы с ними ничем не занимались, там были две девушки с нами. Нас всех забрали, запихали в машину, перед соседями оскорбляли и называли нас женскими именами, били. Таким образом забрали. В отделе стали звонить родителям всех ребят, которые присутствовали со мной. Их привозили и рассказывали им, вот у вас сын "такой-сякой" и таким образом отдавали. Вы сами понимаете, тем более перед родителями, для кавказца говорить вот такие вот вещи – это вообще, лучше застрелиться. Всех забрали, меня оставили, угрожали пытками. Они дали мне сутки, чтобы я из Чечни уехал, иначе они меня убьют. <> Мне нужно было получить справку по месту жительства, и я поехал в Чечню. За мной пришли трое, практически сразу. Они сказали, что они работники уголовного розыска. Меня отвезли в отдел, посадили меня, включили камеру и начали задавать мне вопросы про мои связи с мужчинами, избивали и унижали меня, а потом показали запись родственнику, где они выбивали из меня эти признания. Предложение оставить меня в покое стоило 500 тысяч рублей».

С.Д.

«В 2012 году началась волна шантажа со стороны уголовного розыска Чеченской Республики. Обнаружив одного, они угрозами выявляли других ЛГБТ. Их основной целью был шантаж и вымогательство, и действовали они по своей инициативе. Я до сих пор не знаю, кто меня сдал, и как они на меня вышли, но знаю, что до меня было много арестов и избиений. Прежде чем приехать к жертве, они связывались с родственниками, спрашивали, знают ли те, что их племянник или сын "такой", и говорили, что с этим нужно что-то делать. Они говорили: "Если вы не хотите, чтобы информация о нем была оглашена, и мы его опозорили, нужно заплатить 150 тысяч рублей". Многие платили».

М.Н.

«Они вытащили меня из машины. Одежду сняли. Футболку, джинсы, нижнее белье. Сами начали раздевать. Тот, который меня вез – снимал, другие били. Это было сделано, чтоб снять с меня деньги. Требовали 300 тысяч».

Д.Е.

«Это началось давно. Я имею в виду индивидуальные случаи. То есть это никогда не происходило так массово».

Разница между ранними случаями преследования и испытаниями, которым полицейские подвергли ЛГБТ в первой половине 2017 года, заключается в том, что они

происходили выборочно, тогда как последние события сопряжены с массовым насилием. Несмотря на многочисленные травмы, нанесенные потерпевшим, раньше преступники не пытали жертв во время каждого задержания. В ранний период вымогатели хотели только обогатиться за счет уязвимых жителей Чеченской Республики. Новую же волну преступлений вызвало желание заказчиков «очистить нацию от скверны». Жертв задерживают и часто помещают в цементные бараки – «секретные тюрьмы». Как минимум четыре военных сооружения упоминаются в показаниях потерпевших, прошедших через ужасы преследования в Чечне. Поэтому факт приказа к задержанию со стороны властей не вызывает сомнений.

НЕЗАКОННЫЕ АРЕСТЫ: ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ЗАДЕРЖАНИЯ

Показания потерпевших, за исключением отдельных деталей, в большинстве случаев повторяют друг друга. Мужчин, заподозренных в отношениях с другими мужчинами, задерживали по одному сценарию. Полицейские или военнослужащие всегда появлялись неожиданно и без причины, ведь пострадавшие не совершали правонарушений. Жертв арестовывали на рабочих местах, к ним приходили домой, в том числе поздней ночью, кого-то задерживали на основании вымышленных подозрений во время полицейских рейдов на автомобильных дорогах. Сексуальная ориентация всех, за кем охотились военные или сотрудники полиции, была известна заранее – они отлавливали конкретных кандидатов. Однако некоторые жертвы попали в ловушку случайно, когда предъявляли документы по требованию полицейских. Чеченская полиция регулярно проводит профилактические проверки без основания, якобы в рамках борьбы с наркооборотом и терроризмом. Потерпевшие говорят, что это частая практика.

E.F.

*«Мы попали на полицейский рейд. Сотрудники остановили машину, искали наркотики. Они забрали всю нашу компанию в отдел на допрос. А у меня там украшения были на мне, сумка кожаная, ну обычно натуралы такие вещи не носят с собой – в этой сумке личные вещи для гигиены были – влажные салфетки, ножницы для стрижки ногтей и т.д. Они это увидели, и один мне сказал: "Короче, если ты п***р, я тебя сейчас прямо вот тут пристрелю". Это мне сказал начальник Аргунского РОВД, лично. В общем, этого было достаточно для ареста».*

E.G.

«Это не первый раз, когда приходили полицейские. Это был контроль за молодежью, они часто приходили проверить: сколько мужчин в семье, кто увлекается радикальным исламом, кто может уехать в Сирию. Обычная процедура».

Сопротивляться беспределу бессмысленно, поскольку сотрудники полиции остаются безнаказанными за неправомерное применение своих полномочий. Во время проверки граждан полицейские могут просмотреть содержание их мобильных устройств. Если среди файлов и переписок найдутся фотографии или сообщения «сомнительного характера», их обладателя могут немедленно забрать в отделение. Хотя во время кампании

по преследованию ЛГБТ в Чечне чаще всего личная информация о преследуемых жертвах находилась в распоряжении сотрудников полиции еще до того, как жертв задерживали. В основном эта информация касалась романтических или сексуальных связей с людьми того же пола, что и жертва, а также общения с людьми, чья гомосексуальность недавно стала известна преступникам.

G.H.

«Был обычный день, я работал с клиентом. Неожиданно появились 3-4 военных, назвали меня по имени, вызвали. Я подошел. Руки в наручники. Сунули в машину. Все это видели клиенты. Забрали телефон, копались в нем. По пути в отделение мне стали задавать вопросы, очень неловкие, такие вещи, знаете, классно ли это иметь секс с мужчиной...Они сразу предупредили, что если я буду молчать в ответ, то они остановят машину, выбросят меня из нее и избьют на месте».

H.I.

*«Я был дома, смотрел фильм, когда они пришли за мной. Они сказали, что мне нужно пройти с ними. На мой вопрос что случилось, они сказали, что случилась кража, и они допрашивают всю молодежь вокруг. Они посадили меня в машину и поехали в РОВД. Зашли в здание, и меня забросили в одну из комнат, начали оскорблять меня и унижать. Они сказали, что у них есть доказательства, что я п*****с».*

В свидетельствах описаны грубые процессуальные нарушения, несовместимые с должностными инструкциями правоохранительных органов. Помимо этого, незаконность задержаний подтверждает отсутствие правовых оснований. Полицейские и военные вменяли в вину жертвам именно гомосексуальность – об этом им сообщали, во время задержания или по прибытии жертвы в отдел полиции на допрос (в таких случаях для явки в участок пострадавшим сообщали ложную причину). В большинстве случаев полицейские давали понять потерпевшим, из-за чего именно к ним пришли, но при этом не формулировали ясно «официальную» причину задержания. Уже на этом этапе сотрудники служб применяли насилие к жертвам и не опасались последствий произвола при исполнении своего профессионального долга.

C.D.

«Они открыто заявляли нам: "Вас привезли сюда потому, что вы – «гомосексуалисты». Вы – позор нашего народа, вас не должно быть, всех отловят, будут бороться с проявлениями «гомосексуализма» на территории Чечни"».

N.O.

*«Предъявляли, что я гомосексуал:
– Ты знаешь, за что тебя привезли?
– Нет.
– За то, что ты в ж*** даешь.
– С чего вы взяли?
– А вот некоторые знакомые, на тебя показали пальцем».*

I.J.

«Они повалили меня на пол и избили. Ногами в грудь, в ребра, по лицу, головой в пол. Один из них сказал: "Не бить до шокового состояния, иначе не почувствует боли, а нам этого не надо". Они говорили обо мне "она" и требовали назвать тех геев, кого я знал. Угрожали, что убьют, если ни о ком не расскажу».

L.M.

«Первым делом, полицейский спросил меня какое мне женское имя больше нравится. Я ничего не ответил, после чего он ударил меня».

A.B.

«Полицейские предупредили моих родственников, что забирают меня по подозрению в употреблении наркотиков. На допросе было несколько человек: начальник отдела и другие полицейские. Они сказали, что знают, что я гей, и поэтому я здесь».

O.P.

*«Один из шести похитителей в военной форме сказал: "Сажайте этого п****а в машину, поехали". На тему моей гомосексуальности они говорили настолько оскорбительные вещи, что даже вспоминать тошно».*

По словам потерпевших, отправной точкой цепи массовых задержаний стала случайная поимка мужчины W – потребителя наркотиков. В его телефоне обнаружили контент, указывавший на его гомосексуальность и отношения с другими чеченцами. Задержанного поместили под арест и давлением принудили к сотрудничеству по отлову геев в республике. Потерпевший стал источником десятков имен, впоследствии ставших жертвами преследований на основании СОГИ.

Личные сообщения с предложением встретиться поступали жертвам с мобильных телефонов или профилей мобильных приложений (AirWaveChat, Hornet, Mobimeet) от знакомых – ранее задержанных геев. Если жертва не знала о пропаже собеседника, предложение не выглядело подозрительным. Мужчины соглашались на встречи и сообщали преступникам свои координаты. Некоторые мужчины находились в длительных отношениях и знали друг друга не первый год, другие были знакомы посредственно. Лишь немногих обстоятельства спасли от встреч с полицейскими, Специального Отряда Быстрого Реагирования (СОБР) или военными, которые переписывались с ними от лица жертв.

Преступники применяли физическое насилие к жертвам, чтобы еще больше запугать и заставить задержанных подчиняться их требованиям. Жертвы сперва поступали в отделения полиции, а после перемещались в места заключения, расположенные в тех же отделениях или неофициальных тюрьмах. По словам всех незаконно задержанных, полицейские и военные оскорбляли жертв и применяли физическую силу. Уже тогда многие получили серьезные травмы – сломанную челюсть, ребра, многочисленные ушибы.

I.J.

«Мы тогда только познакомились, и тут я его увидел. Он позвал заглянуть к нему. Я зашел за ним, как вдруг на меня кто-то напал. Он был обученным, это чувствовалось. Меня повалили на лопатки и потащили. Я сопротивлялся и кричал. Они сняли с меня одежду, забрали мобильник, начали меня очень неприлично».

трогать за тело, спереди, сзади. Мне показалось, что они хотят меня изнасиловать. Но там был военный вместе с остальными. Я никогда ничего личного не обсуждал даже с этим знакомым с сайта. Такое, знаете, общение в духе "Привет, как дела". Меня снова били, пытали, правая часть лица распухла, так было первые несколько дней. Они представили меня каким-то чудовищем. Неподалеку я видел полицейские машины. Под вечер они устали, позвали кого-то и затем отвезли меня в полицейский отдел. С первого дня там мне велели выполнять рабскую работу».

А.В.

*«** февраля 2017 мне позвонил друг поздней ночью и предложил заехать ко мне, я согласился. Когда он подъехал, я вышел к нему и увидел его с другими людьми и сразу все понял, что это подстава – люди с ним были в камуфляжной форме. И я забежал во двор, но они зашли за мной. Сказали, что забирают меня, начали избивать и унижать, мол я не человек, а какое-то существо, ничтожество, лучше бы я был террористом чем педиком, от половой тряпки пользы больше».*

Ж.К.

«Сначала мы переписывались в чате. Он приехал ко мне на работу. Я сел к нему в машину. Он поворачивается ко мне и говорит – тебе не стыдно? Я переспрашиваю – за что? А он ударил меня в лицо. Я открыл машину и пытался сбежать, а он начал доставать пистолет, закричал: "Если ты выйдешь я начну по тебе стрелять"».

С.Д.

«В Чечне я поддерживал связь только с одним другом-геем. И однажды вечером он пришел ко мне, позвал во двор, я по обыкновению подумал, что мы сейчас пойдем погуляем. Когда я вышел, я увидел, что во дворе за воротами стояла тонированная машина. Рядом с машиной помимо моего друга стоял еще один человек. Он приказным тоном сказал мне, чтобы я сел в машину. До этого я слышал слухи о том, что геев задерживают и где-то держат, но я не хотел в это верить».

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ В МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ПЫТКИ И ИНОЕ ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ, УНИЖАЮЩЕЕ ДОСТОИНСТВО

С увеличением числа задержанных, разрасталась и сеть информантов. Потерпевшие находились в изможденном состоянии, бесконечно подвергались угрозам и пыткам. Эти условия были созданы, чтобы вынуждать жертв называть имена. Каждый понимал, что уже попал в «снежном ком», так как его имя назвал кто-то из ранее задержанных. Пойманные жертвы не выдерживали давления и насилия, их довели до состояния, когда они не могли сопротивляться пыткам и предавали даже близких людей. Но это не способствовало ослаблению жестокости преступников.

Военные обещали сделать все, что в их силах, чтобы «помочь жертвам заговорить». И если им не удастся вытащить необходимую информацию из телефонов задержанных, то ее «вытащат из самих потерпевших». Жертвы сообщают, что злоумышленникам нравилось выполнять эту работу. Они с удовольствием измывались над потерпевшими – каждый, кто проходил мимо задержанного, плевал в него, задевал, ударял или унижал словами.

Все показания подтверждают пытки электрическим током (с целью получить больше имен, а также «исправить гомосексуальность» жертв), отсутствие воды, питания, адекватного времени на сон, жестокие избиения, после которых мало кто чувствовал, что может держаться. Задержанных постоянно оскорбляли, унижали, обращались к ним исключительно женскими именами и грубо подстегивали.

Истории бывших заключенных подтверждают, что в тюрьмах не было организовано центральное питание. В течение срока, который длился до трех недель, заключенные могли получать лишь передачи от родственников. Хотя передачи жертвам, заключенным по причине гомосексуальности, были запрещены. Более того, большинство родственников не имели представления о месте содержания заключенных. В исключительных случаях, в зависимости от смены работников тюрем, некоторым потерпевшим передавали еду от родителей.

Заключенные, которых обвиняли в распространении и потреблении наркотиков или подозревали в подготовке террористических акций, в отличие от заключенных-гомосексуалов имели доступ к еде и посылкам. Они могли ложиться или сидеть на нарах, когда геи проводили все время, стоя на цементном полу. Три часа в день отводилось на сон. Многие сокамерники пользовались своими «привилегиями» по отношению к гомосексуальным заключенным. Например, издевались над ними – к этому призывали полицейские или военные офицеры. Однако находились и те, кто делился хлебом. По словам жертв, еда не лезла в горло после ужасов пыток. Кроме того, посещать туалет разрешалось лишь по расписанию.

Потерпевшие также были в отчаянии от того, что после похищения никому, кроме преступников, не было известно об их местонахождении. Тюрьмы с каждым днем все больше наполнялись людьми, и не было ощущения того, что это когда-то закончится.

A.B.

«Я терпел сколько мог, но сломался после того, как показали мне видеоролик с пытками, которые хотят со мной сделать. Они принесли железную трубу и колючую проволоку. Они снимали этот ролик сами. Они поймали одного парня, он якобы был связан с террористами. Они засунули в него эту трубу, в его анальное отверстие, а в эту трубу проволоку. После того как трубу вытащили, начали медленно вытаскивать колючую проволоку. После того как я увидел видео и принесенную трубу, и проволоку, я сломался и согласился сотрудничать».

G.H.

«Камера была очень маленькой, и нам всем нужно было занять только один угол. Всего было 15-16 человек в одной камере. Нам не разрешали есть, ходить, спать. В день меня могли избивать до семи-восьми человек. Все время они били меня своими черными огромными ботинками. Они говорили, что к нам мерзко прикасаться руками. Не били разве что по лицу. Затем они принесли пластиковые трубы и стали избивать меня ими».

C.D.

«Они забрали у нас документы и телефоны. Нас вывели в коридор и приковали к батарее. Всю ночь мы просидели на ледяном полу. Каждый проходящий мимо бил нас, плевал и оскорблял. Они были особенно злы за отношения с русскими. Говорили, что лучше бы я подох, чем занимался сексом с представителями другой нации. Нас

периодически избивали, обычно трубами, и били электрическим током. Это была такая шкатулка, от которой шли провода с щипчиками на концах, которые прикреплялись к моему телу. От моих криков они смеялись».

K.L.

«Несколько раз в день нас пытали электричеством. Нас укладывали на пол лицом вниз и все, кто был в камере должны были ударить по три раза трубой того, кто лежал на полу. Скоро нас собралось уже не меньше 18 человек. Среди задержанных были люди разного возраста, от 17 до 47 лет. Все задержанные представители ЛГБТ подвергались пыткам, в той же степени, что и я. У некоторых задержанных из-за побоев на ногах были открытые раны, а так как мыться нам не давали, то уже через пару дней из-за открытых ран от людей пахло испорченным мясом».

L.M.

«Они завязали мне руки за спиной и привязали прищепками провода. Провода под ногтем проходили. Они несколько раз ударили меня током. Еще обливали водой, чтобы ток проходил болезненно. На этом ящике, откуда шел ток, было написано: "Детектор лжи". Я сначала думал, проверять будут».

N.O.

«Меня бросили в подвал. В другую комнату, не туда, где избивали. Тоже пустая комната. У них аппарат такой специальный был, черный ящик, 30 на 20 см. Два провода, прищепки подсоединяют к человеку, включают кнопку, и ток начинает бить. На руки, на запястья и на уши».

H.I.

«Нас заставляли мыть их военные машины ледяной водой, избивали нас каждый день».

E.F.

«Каждый день приезжала машина, меня забирали, отвозили в подвал, и каждый день там меня избивали. Каждый день. <...> Сон там... практически заснуть невозможно было, потому что они в любое время заскакивали, кого-то забирали, кого-то приводили. Там ночь была всегда, там не было ни окон, ничего <...>. Надевали пакет на голову, и когда они понимали, что воздух в пакете заканчивается, в этот момент они резко снимали пакет, и одновременно по ногам начинали бить. <...> Доступа к воде не было. Единственный доступ был, когда нас выводили. На улице, один раз в день».

M.N.

«Если бы я снова там оказался, я бы лучше сразу повесился».

Каждая волна задержаний длилась в пределах одного месяца. Некоторые потерпевшие находились в заключении в течение всего этого периода. Психика многих жертв была в критическом состоянии. Из-за этого некоторые пытались покончить с собой. Известно, как минимум, три случая, которые могли бы закончиться большей трагедией. Потерпевшие не представляли, сколько может длиться задержание, и не могли понять, какие пороги не станут переступать преступники в погонах. За время кампании несколько человек скончались в ходе пыток. Это неизбежно сказывалось и на состоянии выживших узников.

РОЛЬ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР ЧЕЧНИ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Свидетельства потерпевших не оставляют сомнения в том, что чистки осуществляются с подачи региональной власти. Органы внутренних дел, местные подразделения – районные отделы внутренних дел (РОВД) при МВД России на территории Республики Чечня приняли роль исполнителей чудовищных преступлений против чеченского народа. Жертвы преследований и арестов называют характеристики, которые позволяют установить участие подразделения Росгвардии – СОБР «Терек», полицейских и военных подразделений.

О.Р.

«Военные, в военной форме – афганка, американка – как их называют – вот эти формы. Были вооружены – имели при себе обычные короткие автоматы, которые на постах – пистолеты. Говорили на чеченском».

Т.У.

«У двоих точно форма. Обычно сопровождение ездит в этих черных формах. Сопровождение Кадырова. Иногда 6-й отдел ездит. 6-й отдел – это безопасность республиканская».

Е.Ф.

«Главаря называли "Малый", он был в гражданке. А вот те, которые меня доставляли – они были в форме, военной форме».

И.И.

«Один из схвативших меня был нашим участковым полицейским».

У.У.

«Друзья предупредили меня, что полицейские меня разыскивают из-за наших переписок, под пытками они назвали город, в котором я нахожусь».

Ф.Г.

«К нам домой приходили из районного отделения МВД. Спрашивали, где я».

У.У.

«Зашли два человека в форме, нашивки ОМОНа на них были. Назвали моё имя сразу и предложили поехать с ними в РОВД».

Г.Н.

«Три-четыре человека было, все в черной спецформе [СОБР]».

Бисексуальных и гомосексуальных мужчин, которые выжили после варварского суда и пыток, формально освободили. Хотя на обретение свободы это было похоже меньше всего. Родственников-мужчин жертв вызывали, чтобы те лично присутствовали при позорном освобождении своих «бесчестных сыновей, братьев и племянников», уличенных в гомосексуальности. На эту процедуру также приезжали некоторые высокопоставленные представители власти. Они давали родственникам инструкции о том, как избавиться от «нездоровых» членов семьи, чтобы смыть позор со своего рода. Высокопоставленные лица во время бесед с родственниками гарантировали, что те не понесут ответственности, если решат смыть позор с семьи кровью. Во время одной из таких церемоний родственники спросили, почему военные сами не расправились с жертвами. На это чиновник ясно

ответил, что их отряды могли «увести жертв в лес и убить там, обвинив в терроризме, но будет лучше, если родители сами разберутся со своими детьми». С этого момента жертвам запретили покидать республику и пытаться скрыться, а также уведомили, что правоохранительные органы будут приходить с проверками и контролировать их перемещение.

Освобождали заключенных в обмен на выкуп – преступники требовали деньги за неразглашение причины задержания, и утверждали, что взятка – обязательное условие для того, чтобы частично «искупить вину» перед чеченским народом.

О.Р

«Требовали деньги. Сколько? Смотря что на вас есть, и кто вы в этой жизни. Если на посту человек или значимый, за 3 тысячи не выйдете. А если шантрапа – 300 штук и можно отпустить. А если вы – шишка высокого полета, которая может опозорить правительство, администрацию, вас не отпустят – вас прибьют. И родне не отдадут, потому что вы позорите высшие круги, и вам в жизни не место».

Большая часть жертв подтвердила факт участия представителей власти в задержаниях и применении пыток к жертвам. Разные показания свидетельствуют об участии как минимум одного из трех упомянутых потерпевшими чиновников: спикера Чеченского Парламента Магомеда Даудова (более известного по кличке «Лорд»), Главы отдела МВД России по г. Аргун – Аюба Катаева, Командира отряда быстрого реагирования (СОБР «Терек») Абузаида Висмурадова (также известного как «Патриот»).

(Используются показания жертв без указания кодовых обозначений)

«В один из дней всех родственников оповестили о нашем аресте, и к нам приехал Лорд, председатель парламента – Магомед Даудов. Они созвали родственников мужчин. Нас всех поставили перед Лордом. Он подходил к нам, снимал на телефон и спрашивал – гей ли ты, а мы должны были отвечать – да. Это все происходило при родственниках. Он читал нотации родственникам и говорил им: "Если вы чтите традиции – вы их убьёте, а мы сделаем все, чтобы вы никак не были наказаны за это". После всей этой беседы тут же отпустили сразу несколько человек с родственниками».

«В один день к нам приехал чиновник, по кличке Лорд. Тогда я понял, что меня не спасти, раз это пошло от верхушки республики. К этому времени созвали родственников заключенных. Родственникам сказали, почему нас забрали, что нас должны передать взрослым родственникам-мужчинам, и что они должны с этим разобраться. И даже если нас убьют, им ничего не будет, полиция к ним из-за этого не приедет, они все утрясут».

«Нас привезли в РОВД, но из газели не выпустили. Из окошка мы видели, что пришел Лорд. Мы все потеряли надежду, что выйдем оттуда живыми. Так же мы видели, что туда заходили наши родственники и Аюб, военный. Там были журналисты, но с уходом Лорда и они ушли. Потом нас с опущенными головами быстро завели в

помещение. Лорд начал показательно спрашивать у нас перед родственниками все те же грязные вопросы».

«Как-то раз приехал Аюб Катаев, проведать нас... Он выхватил одного парня, которого недавно поймали, вытащил свой пистолет и начал стрелять по полу, чуть ли не по ногам – туда, где стоял парень. Он спрашивал, знаем ли мы других "преступников". Он не выстрелил в тело, так как это могло бы вызвать слишком большие проблемы».

По словам одного из потерпевших, он стал свидетелем телефонного разговора между Аюбом Катаевым и, предположительно, Лордом:

(Используются показания жертвы без указания кодового обозначения)

«Аюб позвонил кому-то, ребята шепотом сказали, что он позвонил Лорду. Сказал: "На что эти педики нам тут нужны, эти пехухи? Их держать тут незаконно". Человек по телефону сказал: "Не сильно их пытайте". С нами в камере был пожилой человек. Его подозвали к телефону, Аюб спросил: "Тебя били?", он сказал в трубку: "Нет". Это даже смешно. Аюб спросил, привезти ли нас всех к нему домой, к собеседнику. Ему ответили: "Нет, на днях с ними разберемся, ждем приказа главнокомандующего". От кого именно ждут приказа, не упомянули».

Со слов жертв также известно, что преступники записывали на видео пытки и издевательства и затем отправляли их «Лорду».

Эти показания демонстрируют, что кампания по отлову жертв происходила по команде сверху. В Чечне под руководством Рамзана Кадырова тщательно контролируется все, что происходит в республике. Даже малейшие протесты и выражения несогласия не остаются незамеченными. Очевидно, что преступники отдавали себе полный отчет в том, что действовали незаконно.

Содержание под стражей гомосексуальных и бисексуальных мужчин можно объяснить желанием властей утвердить порядок, который подразумевает подчинение традиционному праву даже в случаях, когда дело касается личной жизни жителей Чечни. Описанные преступления, вероятно, должны напомнить о том, что в Чечне принято чтить существующие традиции и подчиняться установленному порядку, который сформировался под влиянием чеченских национальных обычаев. Поэтому достоинство участников уязвимых групп населения, которые отличаются от большинства, занижено по сравнению с чеченцами, соответствующими «норме». Политика лидера Чечни устрашает тех, кто не вписывается в стандарты, навязанные традиционными требованиями. Любое несогласие расценивается как посягательство на национальные идеалы. Атмосфера страха, которую сформировал политический курс Рамзана Кадырова, заполонила закрытое чеченское сообщество. Так она гарантировала поддержку авторитарному режиму, созданному президентом республики. Суровые последствия могут коснуться каждого, кто посмеет выступить с критикой установленной в Чечне системы. Никто не защищен от репрессий и агрессивных действий со стороны действующей в регионе власти в случае неподчинения этим правилам.

Е.Ф.

*«Потом один сказал мне: "Хорошо, мы тебя сейчас отпустим, с условием... с тем условием, что ты будешь на нас работать. Что ты будешь находить людей, п*****в нам находи, сирийцев нам находи, и наркоманов находи нам". Вот. С тем условием, что я буду работать. И они меня там вот так издевательски по плечу похлопали со словами: "Ты наш внештатный сотрудник теперь"».*

С.Д.

«В один из дней, когда нас всех сильно избивали, начальник РОВД проводил с нами "беседу" о том, что это смертельный грех, что нам должно быть стыдно позорить такой гордый народ, среди которого никогда не было таких людей. Один заключенный сказал, что нас не исправить, на что начальник ответил, что они вот так вот будут продолжать работать, с целью очистить республику от скверны. Потом прозвучал вопрос – а не живем ли мы по закону конституции нашей страны, и он ответил, что у нас свои законы, и законом должно являться то, что говорит нынче действующая власть республики».

Н.О.

«Они хотели легких денег. Говорили: "Мы кого-нибудь схватим, снимем с него деньги, а потом все вместе поделим, ну? Ты будешь тоже свою долю получать, но никто не будет знать, что ты с нами работаешь. И наши тебя трогать не будут, никто не сможет угрожать убийством"».

Злоумышленники шантажировали, угрожали жертвам уголовной статьей, сфабрикованными делами и объявлением в уголовный розыск, в случае исчезновения. Местные представители власти, возможно, всерьез считают гомосексуальность преступлением, но не находят формальных оснований для осуществления приказов и пытаются обойти закон, чувствуя беззащитность жертв и собственную неограниченную власть.

V.W.

«Мне сказали: "У нас есть уголовные дела незакрытые, и мы можем одно из них повесить на тебя, в случае если ты не будешь сейчас сотрудничать с нами. Ты здесь останешься, и останешься надолго"».

А.В.

«Там было несколько человек, начальник отдела и другие полицейские. Они сказали, что знают, что я гей, и что мне не стоит ничего скрывать, если я сразу расскажу правду, для меня это будет лучше. Они хотели знать любую информацию, связанную с другими геями, наркоманами, террористами, боевиками. Они сказали, что, если я не сдам по крайней мере троих, они повесят на меня преступление, скажут, что я боевик, и я больше никогда не выйду на свободу"».

Судя по этим заявлениям, в Чечне укоренилась уверенность в том, что ЛГБТ – это люди второго сорта, инфицированные некой заразой, которой никогда не было на территории Кавказа. Борьба с этим «вирусом» идет на уничтожение. Народ разделяет позицию представителей власти, и даже сами ЛГБТ, потерпевшие в ходе преследования, уверены, что их сексуальность – аномалия, проклятие, бремя или болезнь.

После того, как большую часть потерпевших выпустили из «секретных тюрем», некоторые из них пропали без вести. Кто-то стал жертвой убийства чести, некоторые семьи разыграли расправу и для убедительности даже устроили похороны сбежавших ЛГБТ-родственников.

(Используются показания жертв без указания кодовых обозначений)

«Я знаю порядка четырех человек, кто был задержан. Да, некоторые из них были убиты. Другие – те, кто был с ними, но кого я не знаю лично, тоже стали жертвами убийств».

«В нашем селе все происходит с опозданием, но задержания начались уже в январе-феврале. Мой друг был убит. Его отдали родственникам, чтобы те могли убийством смыть позор с семьи».

«Мой друг был задержан. Он вернулся обратно в начале марта. Мы встретились, и затем он вдруг исчез».

«Охранник был у нашего одного муллы. Их засекли, охранника тогда убили его сослуживцы, мулла отделался тогда... его Кадыров простил».

«В феврале один мужчина, который однажды признался в своих чувствах ко мне, был арестован. Между нами никогда не было никаких отношений. Я знаю, что сейчас он мертв».

«Есть из села, например, из этого, из Гехов... вот один был, преподаватель в школе. Он, по нему было видно, что он гей. Ну, он довольно много лет жил и работал, и вот на этой волне всей его убили. Родственники, насколько я знаю».

Свидетели сообщают о десятках убийств в ходе кампании. Три убийства имеют твердые доказательства того, что их совершили представители власти или родственники под давлением властей.

(Используются показания жертв-свидетелей)

«X – молодой человек. Его поймали военные в марте. Какое-то время держали и мучили в Аргуне, потом позвали его родных – приехали отец, дядя, братья. Им показали видеоматериалы. Родные сказали, что разберутся сами. Молодого человека отвезли в лес и там закопали. Хоронить не стали. Село - Урус-Мартановский или Грозненско-Сельский район».

«Y – Мужчина работал в муфтияте, был в окружении главы администрации ЧР, вхож в вышестоящие круги. Был задержан в конце февраля, убит в марте. Жил в деревне Ачхой-Мартановский или Урус-Мартановский район».

«Z – Мужчину забрали во время свидания с другим мужчиной. Избивали, мучали. Одной ночью его привезли еле живого, бросили во дворе. На утро нашли уже

мертвым. Он умер через пять дней после задержания. Родственники ничего говорить не стали, списали смерть на сердечный приступ и похоронили. Мужчину держали в Урус-Мартане, домой его привезли урус-мартановские полицейские».

При даче показаний потерпевшие часто говорили, что настоящим испытанием для них было не столько физическое, сколько психологическое давление – они чувствовали себя «морально сломленными, убитыми». Моральное давление сотрудники правоохранительных и оборонительных служб вскоре стали оказывать и на родственников потерпевших. Одно упоминание имени жертвы в контексте ЛГБТ несет неизбежные социальные последствия как для самого человека, живущего на Северном Кавказе, так и для его ближайших родственников. Поскольку общественное мнение в республиках региона имеет колоссальный вес, а также действует принцип коллективного суда, жители Кавказа ощущают высокую социальную ответственность перед тейпом. Традиции в регионе важнее права, и социальная ответственность вынуждает родственников идти на крайние меры. Так они могут уберечь остальных членов семьи от исключения из общества и последующих наказаний: народных судилищ, поджогов домов и пр.

Сами потерпевшие почти не осуждают родственников за жестокость и не отрекаются от своих семейных уз. Семья – наивысшая ценность жителей Северного Кавказа. Во время общения с активистами ЛГБТ-сети, никто из пострадавших не сказал грубого слова в адрес своих родителей, братьев и других родственников, кто угрожал им смертью или жестоко избивал. Тема семьи неразрывно связана с уважением, пониманием и безусловной любовью, с которой они говорят о своих родных. Потенциальные риски для родственников, оставшихся на Кавказе, вызывают огромное беспокойство у жертв преследований.

СЕМЬЯ: ПРЕСТУПНИКИ ИЛИ ЖЕРТВЫ?

Негативное отношение жителей республик Северного Кавказа к гомосексуальности сформировали доминирующие традиции, нормы доисламских правовых комплексов, закрепленных адатами и политический курс. Чечня – самый яркий пример строгой иерархии гетеронормативности, принятой в качестве единственной формы социальных отношений. Эта система не допускает девиаций.

Критерии нормативности и отклонения от нее определяет лично Рамзан Кадыров – единоличный блюститель порядка и морали в Чеченской Республике. Устанавливая стандарты, Кадыров руководствуется собственным пониманием того, что является обязательной для всех чеченцев нормой поведения и самовыражения. При этом он игнорирует национальное законодательство, которому формально должны подчиняться все решения глав субъектов Российской Федерации. Контроль за соблюдением установленного порядка осуществляют правоохранительные органы и службы безопасности.

Чеченский народ привык следовать этим правилам. Им следуют даже те люди, которые категорически с ними не согласны, но стремятся избежать проблем. Таким образом, происходит негласная поддержка выбранного курса и ужесточение его рамок, в которых обладать честью и достоинством может уже не любой человек без исключения, а только тот, кто подчиняется жестоким стандартам.

Структуру общества в Чечне составляют тейпы – родовые кланы. Такая социальная организация сильно влияет на семейные отношения, уязвимые перед вмешательством общества в личные дела. Если человека заподозрили в совершении недозволенного, с точки зрения Кадырова, поступка, то, помимо самого подозреваемого, отвечать за него будут ближайшие родственники.

Кавказские традиции диктуют необходимость отказа от провинившегося родственника и назначения сурового наказания, если по меркам общественной оценки совершенный «проступок» имел характер тяжелого. Гомосексуальность, в понимании чеченцев – «проступок», который заслуживает убийства чести. Реакцией на «проступок» нерадивого родственника, семья демонстрирует, что не поддерживает его в нарушении чеченских устоев, а чтит их выше родственных связей. Все жертвы кампании, чья гомосексуальность или бисексуальность раскрылась перед родственниками, подвергались насилию со стороны как минимум одного члена семьи. Жертвы, которым удалось скрыть информацию о своей сексуальности, уверены, что родственники бы их убили.

Судьба жертв преследования и нелегальных задержаний, которые были переданы родственникам, остается неизвестной. Приведенные выше показания сообщают о десятках людей, погибших от рук членов семьи. Массовые расправы с ЛГБТ способствовали увеличению уровня насилия и деформации традиций. Некоторые семьи, боясь преследования, прикрываются традициями и встают на сторону тех, кто жестоко обошелся с их гомосексуальными родственниками.

C.D.

*«Мой *** (родственник по мужской линии) придерживался весьма консервативных взглядов. Он связался с полицейскими и потребовал доказательств столь серьезных обвинений. После этого они к нам приехали (три полицейских) и начали рассказывать: с кем я общаюсь, с кем встречался – в таких подробностях, что я ничего не мог противопоставить. Я был шокирован от того, какой информацией они владеют. Я и в страшном сне не мог представить, что моя родня узнает обо мне. Мои родственники-мужчины сказали полицейским, что разберутся со мной сами, поблагодарили за информацию. Они уехали, и родственники начали меня жестоко избивать, приставив к моему виску пистолет. Во время избиений мне раздробили кость, после чего была операция по ее удалению».*

J.K.

«Мой брат устраивал со мной очень агрессивные драки. Когда мать пыталась защитить меня, он говорил: "Не нужно его оберегать, он – то, что заслуживает такого обращения"».

O.P.

«Моя семья ничего не знает об этой истории. Если бы они знали, точно бы убили, еще до того, как я попытался бы сбежать. Убили бы однозначно, и никогда бы не простили».

Внутри одной семьи могут быть родственники, которые по-разному относятся к обвинениям в адрес потерпевших. Кто-то готов к расправе, но находятся и те, кто помогает спастись своим ЛГБТ-родственникам от насилия, предоставляет крышу над головой или помогает выехать из региона, чтобы сохранить им жизнь. Помогая или даже не препятствуя побегу, родственники рискуют не меньше потерпевших. В первую очередь, им грозит

общественное порицание, но нередко дело доходит и до преследований со стороны власти. Известны случаи, когда полицейские задерживали братьев бежавших от преследования гомосексуальных и бисексуальных мужчин. Стоит отметить, что с наибольшими сложностями сталкиваются жены и дети, преследуемых мужчин, так как они лишаются защиты в лице главы семейства, от которого может сильно зависеть социальное положение семьи, а возможностей для реабилитации их жизней попросту может не быть, с учетом причины побега и самого его факта.

Кавказские традиции воспитали мужчин, ответственных за свои семьи, поэтому многие готовы жертвовать собственной безопасностью для того, чтобы обеспечить гарантии защиты своим семьям. Многие потерпевшие стараются уехать вместе с родными, которым может грозить опасность в ходе продолжения репрессий.

ПРОБЛЕМА ЛБТ-ЖЕНЩИН НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Самой уязвимой группой перед суровыми традициями являются гомосексуальные и бисексуальные женщины. Тревожные новости о внесудебных казнях над ЛБТ-женщинами из Чечни, Ингушетии и Дагестана были известны правозащитникам как до, так и во время кампании 2017 года. Голос женщин на Кавказе всегда был подавлен традициями: им отводится второстепенная роль в обществе, они имеют меньше прав по сравнению с мужчинами из-за религиозных и культурных особенностей региона. Женщины чаще мужчин становятся жертвами убийств чести, их могут судить при отсутствии фактов, на основании одних лишь подозрений. Женщину судят жестко, если дело касается их поведения в обществе или распространения информации, которая может опорочить ее священную чистоту или запятнать репутацию, а вместе с тем и весь ее род. Существует масса ограничений и требований к кавказской женщине, которым она должна следовать, несмотря на то, придерживается ли ее семья религиозных взглядов или является светской.

P.Q.

«Было множество подстав, из-за этого чувствовать себя в безопасности просто невозможно. Тебя постоянно контролируют. Я получала угрозы от людей, которых не знаю. Они обещали меня найти и убить, или рассказать моим родителям о том, что я лесбиянка, чтобы они сами со мной расправились. Это очень тяжело, большой стресс. <...> Если бы кто-то из недоброжелателей узнал о моей сексуальной ориентации, меня бы избili, изнасиловали, засняли бы на камеру и распространили бы запись, или попросту убили. Такие случаи происходят с девушками. Мне повезло избежать этого. <...> Для чеченского народа, если девушка живёт одна в чужом городе – это уже повод для самосуда. И никогда никто не был осуждён за такой самосуд по отношению к девушкам. Ни с точки зрения общественного мнения, ни с точки зрения юридической».

Q.R.

«Конечно, я должна была скрывать то, что я лесбиянка, поэтому я вышла замуж, чтобы сохранить репутацию своей семьи. Так я смогла уехать из региона. Моя мать отказалась от меня, и вся семья в какой-то момент стала в курсе того, что брак был фиктивным. После этого на меня обрушились угрозы со стороны мужской

части рода. Они по-прежнему разыскивают меня, чтобы наказать за ложь и то, какой я веду образ жизни».

R.S.

«Все переписки с моей девушкой, с моими друзьями, просто все это кто-то заскринил и отправил моему дяде, и сказал: "Посмотрите, какая у вас племянница! За ней кто-нибудь следит? У нее есть брат, есть отец, они не смотрят, чем она занимается?". Мой брат ворвался в комнату и стал меня так сильно сначала...руками ...избивать. Ну, он себя уже не контролировал. И ко мне зашла моя сестра и сказала, что она сейчас была в машине с дядей, и он плакал. "Вот настанет время, я сама тебя убью, и мне за это воздастся", – так она сказала, – "Аллах меня наградит". <...> Родственники мне сказали: "Ты в этой комнате больше не живешь", – и я переехала в комнату совсем пустую. Мне мама дала одеяло. И потом она, похоже, всю ночь не спала, несколько дней стояла у двери и молитвы читала... Говорила: "Как мне ее жалко", – и что я испортила себе жизнь, что я... что мне дьявол что-то в ухо посоветовал, а я послушалась – такие вот моменты были. <...> Через месяц я смогла написать своей подруге. Она сказала, что ее током брат бил и говорил, что он всех нас расстреляет, что моих знакомых найдет и пока всех не перестреляет, он не успокоится...<...> Брат зашел ко мне в комнату, сел передо мной и отдал мне пистолет... Он говорил: "Я дал слово отцу тебя не убивать. Умоляю тебя, застрели себя, застрелись просто! Если ты застрелишься, все это закончится, мы скажем людям, что это как-то случайно произошло. Потому что если совершить самоубийство, то нормально хоронить нельзя, тебя похоронят... закопают просто, и все". Я протянула ему обратно пистолет и сказала: "Хочешь - убивай сам. Я в себя стрелять не буду"».

R.S. несколько раз пыталась сбежать из республики. Однажды, после очередной попытки, ее принудительно вернули и отправили на лечение в психиатрическую клинику, где она пробыла в общей сложности 3 месяца. Позднее R.S. удалось выехать в центральную часть России, поселиться в шелтере, открытом по случаю массовых преследований ЛГБТ в Чечне и соседних республиках. Спустя некоторое время ей пришлось на время вернуться в Чечню, но тогда родственники R.S. не позволили ей покидать стен комнаты, в которую ее поместили. С тех пор R.S. находилась под постоянным контролем, поэтому сбежать было практически невозможно. Тем не менее была предпринята новая попытка эвакуации R.S. из региона и, затем, России. К глубокому несчастью, спецоперация не имела успеха и во время выполнения провалилась. R.S. передали родителям, которые на этот раз заточили ее буквально до конца дней, так как через неделю, стало известно, что девушка умерла. Официальной причиной смерти назвали «отказ почек из-за осложнений после гриппа». Эта причина выглядит неубедительно, учитывая историю R.S., и то, что она была здорова за неделю до «осложнений», которые якобы одолели ее летом в южном регионе России и привели к отказу органов. По версии тех, кто какое-то время находился в контакте с R.S., девушку отравили.

РАССЛЕДОВАНИЕ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

С начала чудовищной кампании в Чечне, в публичном пространстве представители власти республики полностью отрицали факт преследований. Первые заявления чеченских властей и лидеров мнений после выхода статьи в «Новой газете» с показаниями жертв, были полны злобы, возмущения и, конечно, гомофобных реплик. Рамзан Кадыров отрицал даже факт существования геев в Чечне. На этом он настаивает и по сей день.

Пресс-Секретарь главы Чечни Альви Каримов:

«Появившаяся публикация – это абсолютная ложь – нельзя задерживать и притеснять того, кого попросту нет в республике». «Если бы в Чечне были такие люди, у правоохранительных органов не было бы никаких забот с ними, поскольку сами бы родственники отравили бы их по адресу, откуда не возвращаются».

Член совета по Правам Человека в Чечне при главе Республики Хеда Саратова:

«Ко мне не поступало ни одного заявления, но я бы не стала даже его рассматривать». «Я чеченка, я живу в этом обществе, и то, что вы говорите, это даже страшнее войны. <...> Я уверяю вас, в нашем чеченском обществе человек, который уважает себя, традиции и обычаи, он сам будет без каких-либо структур преследовать и делать все, чтобы таких людей в нашем обществе не было».

Глава Республики Чечня Рамзан Кадыров в интервью американскому каналу НВО:

«Это ерунда. У нас таких людей нет. Нет у нас геев. Если есть, заберите в Канаду. Хвала Аллаху, подальше от нас».

Эту тенденцию быстро подхватили и федеральные представители власти, правда, более осторожно, когда Чеченский вопрос с каждым днем стал волновать все больше зарубежных коллег. К примеру, пресс-секретарь президента Дмитрий Песков заявил, что неясно, есть ли дело, которое нужно расследовать, и это не является прерогативой Кремля.

Другой реакции или предложений разобраться в деле немедленно от федеральной власти не прозвучало. Создается впечатление, что трагедия, затронувшая невинных граждан Российской Федерации, не взволновала государственных деятелей.

Требования проверить информацию, которую собрали журналисты «Новой газеты», были срочно направлены в Следственный Комитет и Генеральную Прокуратуру. Но вышеназванные органы не высказали намерений принять экстренные меры в своих письменных ответах, которые они прислали уже после истечения процессуальных сроков.

«Новая газета», как один из заявителей, подала жалобу в суд на бездействие главы Следственного Комитета. Басманный суд Москвы отказался рассматривать жалобу «Новой газеты» на отсутствие реакции руководителя СКР. После этого Татьяна Москалькова, Уполномоченная по правам человека в России при Президенте, передала в СКР заключение Общественного совета при омбудсмене о ситуации с преследованием чеченских геев. В заключении фигурировали сведения «Новой газеты» о конкретных жертвах.

Раньше омбудсмен Татьяна Москалькова держалась на расстоянии от вопросов, касающихся нарушений прав ЛГБТ в России, и комментировала информацию о событиях в Чечне 2017 года как «провокационную». Многочисленные международные и зарубежные

акторы выпустили призывы инициировать расследование, а в адрес Уполномоченной по правам человека в России были направлены заявления с просьбой уделить особое внимание сведениям из «Новой газеты» о жестоких нарушениях прав ЛГБТ в Чечне (в том числе от Российской ЛГБТ-сети, Амнести Интернешнл и Генерального Секретаря Совета Европы). Татьяна Москалькова выступила с ответом, что не получила ни одного обращения от пострадавших. Чтобы познакомить омбудсмена с историями потерпевших из первых уст, была организована встреча с жертвами внесудебных расправ, которые тогда уже были эвакуированы за пределы Чеченской Республики. После интервью с жертвами Уполномоченная по правам человека заявила, что готова содействовать расследованию.

Готовность омбудсмена следить за ситуацией в Чечне и ходом расследования ценится высоко, особенно когда другие высокопоставленные лица не обращают внимания на происходящее. Однако институт УПЧ не упоминается в Уголовно-процессуальном Кодексе Российской Федерации (УПК РФ), поэтому Татьяна Москалькова не обладает полномочиями, которые позволили бы ей сделать существенный вклад в тщательное и надежное расследование. Тем не менее, Татьяна Москалькова, вместе с представителями других стран – Ангелой Меркель, Эммануэлем Макроном, и институтами на международной арене – Верховным Комиссаром по правам человека ООН, Генеральным Секретарем Совета Европы, обратила внимание властей, в том числе и Владимира Путина, на необходимость проверки этой информации. На встрече с президентом Татьяна Москалькова предложила создать межведомственную рабочую группу вне территории Чечни, чтобы принимать обращения граждан, чьи права были нарушены. Президент Путин в заявил, что «переговорит» с генпрокурором и главой МВД о ситуации.

Омбудсмен также предлагала пострадавшим государственную защиту в рамках программы защиты свидетелей. Однако никто из пострадавших не может запросить государственной защиты из-за того, что не заведено уголовное дело. Соответственно, жертвы не готовы давать показания следственным органам. В законе об уполномоченном по правам человека, на основании которого работает Москалькова, тоже не сказано, что она может предоставлять кому-то государственную защиту, или что она должна заниматься расследованием преступлений.

Благодаря тому, что международное сообщество моментально откликнулось на тревожные новости о преследованиях ЛГБТ в Чечне и продолжает активно следить за тем, как развиваются события, ситуация не дает российским представителям власти полностью игнорировать эту трагедию. Однако некоторые из них демонстрируют полное безразличие к этому вопросу и в общении с прессой отказываются касаться темы репрессий в отношении гомосексуалов. Так Мария Захарова, официальный представитель Министерства иностранных дел Российской Федерации, назвала внесудебные расправы над невиновными людьми из-за сексуальной ориентации в Чечне «не своей темой». Этим она не только проявила собственный непрофессионализм, но показала общее отношение российской власти к проблеме.

Сообщается, что с середины-конца апреля 2017 года Следственный Комитет начал доследственную проверку сообщений о преследованиях ЛГБТ в Чечне. Федеральный центр санкционировал подобную проверку в отношении чеченских властей и силовиков впервые за 10 лет правления Рамзана Кадырова. Эта проверка – большое достижение журналистского и правозащитного сообществ, которые много лет поднимали тему жесточайших репрессий в Чечне.

Доследственная проверка проводит опрос свидетелей и осмотр мест заключения, где содержались жертвы. Сообщается, что назначенная группа следователей сталкивается с преградами в проведении проверки внесудебных расправ. Так, следователи проверили место незаконного заключения, которое жертвы упоминали чаще всего – бывшую военную комендатуру, расположенную рядом с городом Аргун, по адресу ул. Кадырова 99б. Здания и комнаты, в которых держали людей, совпадают с описаниями жертв. Но внутри помещения оказались завалены свежим строительным мусором. По сведениям «Новой газеты», сразу после публикаций статей на тему преследования геев, заключенных перевели из аргунской тюрьмы на базу СОБРа «Терек». Ее следователи не могли осмотреть несколько недель из-за «проводимых учений», которые было нельзя тревожить.

Сотрудники полиции отказывались участвовать в следственных действиях, игнорировали повестки и являлись к следователю только после угрозы привода. Поэтому есть основания полагать, что власти Чечни почувствовали уязвимость перед федеральным следствием.

Следствию предстоит обнаружить другие следы, оставшиеся после казней в Чечне. Для этого есть много твердых свидетельств. После того, как полиции предположительно дали приказ ловить гомосексуальных мужчин, офицеры немедленно приступили к действиям. Они допустили нарушения, которые теперь следствие может использовать как прямое доказательство вины полицейских. Операцию вскоре передали военным.

Уполномоченные сотрудники правоохранительных органов не просто участвовали в преследовании ЛГБТ, но и тщательно фиксировали задержание и незаконное удержание в секретных тюрьмах, а также так называемое «перевоспитание», включающее пытки, побои, унижения и внесудебные казни. Существуют списки задержанных лиц, подозреваемых в гомосексуальной ориентации.

G.H.

«Если это нигде не будет записано, тогда я скажу, когда меня забрали, потому что, когда ты попадаешь туда, они заносят тебя в список. И каждый день этот список обновлялся – кто прибыл, кого отпустили».

По информации от источников «Новой газеты», следователи районных РОВД проводили допросы, на которых узнавали у задержанных их персональные данные, данные родственников, сексуальных контактов жертвы, регулярность интимных связей и проч. Допросы должны были доказать гомосексуальность жертвы и получить признания задержанных. Допрос и другие следственные действия хоть и не были официальными с точки зрения Уголовного процессуального Кодекса Российской Федерации, но велись согласно процедуре, прописанной в УПК РФ и на официальных бланках.

Потерпевшим запретили покидать республику, поэтому органы правопорядка должны были регулярно проверять местоположение жертв. Спустя полтора месяца с начала кампании по отлову ЛГБТ в Чечне, факты о происходящем облетели весь мир и получили широкое освещение в СМИ. Из-за громкого общественного резонанса, полиции пришлось выпустить или переместить всех заключенных. Однако освобожденных узников преследовать не перестали. Как сообщили информанты «Новой газеты», полицейские фиксировали адреса, телефоны и места работы родственников. Вскоре после освобождения полицейские выясняли, убили ли родственники потерпевшего или он выехал за пределы

республики. В случае, если потерпевший покинул Чечню, полицейские требовали от родственников подписать заявление. В нем говорилось, что жертва, которая на самом деле находилась в секретной тюрьме, в тот самый период уехала из республики в Москву на заработки и никаких претензий к сотрудникам правоохранительных органов Чечни не имеет.

По данным «Новой газеты», родственников заставляли связываться с жертвами и оказывать на них давление, чтобы запугать и добиться молчания. По сообщениям от членов семьи потерпевших, вывезенных из Чечни, родственников также заставляли давать ложные показания в ходе опроса следователями СКР, ведущими проверку по фактам преследования геев в Чечне.

Тревожные новости продолжают поступать не только из Чечни, но также из соседних республик и более отдаленных регионов. Жертвами массового преследования геев, стали также приехавшие в Чечню граждане России, не чеченцы по национальности. Известно, как минимум, о трех таких жертвах. Чеченские силовые структуры владеют исчерпывающими данными, которые позволяют давить на этих людей даже за пределами Чечни. Источники из правоохранительных органов Чечни, а также сами жертвы и их родственники говорят минимум о двух попытках давления на людей, ставших жертвами кампании преследования ЛГБТ в Чечне, и при этом не являющихся ни чеченцами, ни жителями Чечни. В обоих случаях чеченские силовики выезжали в регионы России, в которых проживали эти жертвы. При этом чеченские силовики взаимодействовали с местными правоохранительными органами. Есть доказательства, что в одном из случаев жертву не удалось похитить только потому, что ее и ее родственников предупредили, и те спрятались от преследователей. В другом случае, по неподтвержденной следствием информации, жертву убили.

Из вышесказанного, можно сделать вывод: чеченские силовики имеют достаточно данных и легко получают информацию, которая позволяет установить местонахождение как родственников, так и жертв, в том числе тех, кто скрывается от силовиков, но выходит на контакт с членами семьи в Чечне. Получить информацию о жертве для чеченских силовиков просто – родственники передают ее сами. Также чеченские силовики находят, оказывают давление, запугивают (вплоть до применения крайних мер физического воздействия) жертв, не являющихся жителями Чечни (чеченцами). При этом силовикам содействуют правоохранительные структуры российских регионов.

На сегодняшний день уголовное дело все еще не возбуждено. Пока не возбуждено уголовное дело, не может быть начат уголовный процесс. Поэтому предпринимать серьезные действия по расследованию этого преступления невозможно.

В начале июля, Следственный Комитет направил промежуточный ответ по результатам проверки данных о преследовании геев в Чечне Уполномоченной по правам человека в России Татьяне Москальковой. По словам омбудсмена, в ответе сообщается, что следственная группа не установила факты, которые подтверждают насильственные действия в отношении жертв, в связи с тем, что у комитета нет конкретных данных по этим гражданам. Ответ позволяет сделать вывод о пассивной позиции СК РФ в расследовании и укрепляет мнение, что официальные действия в ходе расследования проводятся формально. Ведь пока жертвы преступления сами не обратятся с заявлениями и не обяжут этим следственные органы отреагировать, федеральные власти могут бездействовать и настаивать на том, что преступления не было.

В случае с Татьяной Москальковой ситуация обстоит иначе – омбудсмен могла поставить в этой истории точку после ответа СК РФ, но она заняла принципиальную позицию.

«Поскольку в моем запросе и в том письме, которое я переслала от «Новой газеты», содержатся фамилии людей якобы погибших, то проверка на этом не считается законченной, и я попрошу написать уточняющий ответ по тем фамилиям, которые перечислены в письме», — заявила Москалькова.

Пока федеральная следственная группа изучает факты и обстоятельства массовых репрессий гомосексуальных и бисексуальных людей в Чечне, независимые расследователи – правозащитники и журналисты, помогают обеспечить потерпевшим международную защиту за рубежом. Каждый потерпевший в ходе организованной чеченскими властями кампании должен получить убежище в стране, где он или она сможет находиться в безопасности. Кроме того, программа юридической помощи Российской ЛГБТ-сети поддержит любого желающего обратиться в Европейский Суд по Правам Человека. Сейчас адвокат разъясняет механизмы работы потенциальным заявителям. Все показания, задокументированные журналистами «Новой газеты» и активистами Российской ЛГБТ-сети, в строгом соответствии с согласиями на использование предоставленных историй, качественно подкрепят иск против Рамзана Кадырова, направленный в Международный Уголовный Суд международными правозащитными организациями.

Совершаемые в Чечне преступления попадают под определение преступлений против человечности в Римском Статуте и должны быть квалифицированы, как таковые. Все задержания невинных происходили на основании незаконного мотива – гомосексуальности жертв. Этот мотив повсеместно признан недопустимым согласно международному праву. Арест гражданских лиц сопровождался жестокостью и уничижительным отношением к «подозреваемым». Кампания по отлову геев развернулась на всю республику и даже вышла за ее пределы, что подтверждает широкий масштаб преступления. Признавая незаконность своих действий, правоохранительные органы, тем не менее, осознанно и систематически приводили приказы в исполнение. Как преступления против человечности, события в Чечне отличаются тем, что в рамках насильственных операций, организованных властью республики, происходило насильственное исчезновение людей, пытки, убийства и другие «бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений», что нанесло серьезный ущерб психическому и физическому здоровью жертв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании полученных свидетельств и собранной информации мы приходим к следующим выводам:

1. С декабря 2016 г. по настоящее время на территории Чеченской Республики органами государственной власти осуществляются массовые преследования мужчин, подозреваемых в гомосексуальных контактах. Есть все основания полагать, что эти преследования подпадают под определение преступлений против человечности, данное в статье 7 Римского статута Международного уголовного суда.

Сотрудники полиции и Росгвардии (Специальный Отряд Быстрого Реагирования (СОБР «Терек»)) целенаправленно задерживали мужчин, о которых они имели информацию, связанную с их реальной или предполагаемой гомосексуальностью. Задержанных, в отношении которых не удавалось получить подтверждение этой информации, отпускали. Таким образом, имеет место преследование группы, идентифицируемой по признаку реальной или предполагаемой сексуальной ориентации. Преследование носит массовый характер. Об этом свидетельствует большое число обращений в Российскую ЛГБТ-сеть жителей Чечни, которые были задержаны сами либо достоверно знают о задержании известных им лиц.

Согласно имеющимся свидетельствам, действиями полицейских и бойцов СОБР «Терек» непосредственно руководили: спикер чеченского парламента Магомед Даудов, глава отдела МВД России по г. Аргун Аюб Катаев, командир отряда быстрого реагирования (СОБР «Терек») Абузаид Висмурадов. Это позволяет утверждать, что преследования не только осуществляются, но и организованы государственной властью.

Неоднократные заявления Главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова и других должностных лиц Чеченской Республики о том, что среди чеченцев геев быть не может, а если они и есть, то они должны быть либо убиты их родственниками, либо депортированы из Чечни, говорит о том, что «чистка» нации от геев является одной из целей проводимой чеченской государственной властью политики.

Против всех задержанных применялись пытки и другие, унижающие их человеческое достоинство и причиняющие сильные страдания, меры воздействия. Свидетели сообщают о десятках убийств в ходе кампании, три из которых имеют твердые доказательства того, что они совершались представителями власти или под давлением властей на родственников жертв. По крайней мере несколько человек скончались в ходе пыток.

Жертв лишали свободы на протяжении длительного времени (до месяца). Их родные и знакомые долгое время не знали, где они находятся. Освобожденным запрещали покидать Чечню под угрозой фальсификации уголовных дел. От родственников тех из них, кто ослушался и бежал, требовали письменных подтверждений того, что их родные не были лишены свободы и, вообще, не имеют претензий к правоохранительным органам. Другими словами, чеченские власти путем давления и запугивания пытаются скрыть факты задержаний и публично их отрицают с целью лишения жертв защиты закона. Это позволяет характеризовать происходящее как насильственное исчезновение людей.

2. Российская Федерация не желает или не способна вести уголовное расследование данного преступления должным образом. Эта ситуация может измениться только при наличии политической воли высшего государственного руководства страны и при эффективном международном давлении.

Уголовное дело по факту совершенного преступления не возбуждено до сих пор, три месяца спустя после того как «Новая газета» и Российская ЛГБТ-сеть обратились, в установленном законом порядке, к следственным органам с требованием начать расследование. В частности, им были сообщены имена нескольких убитых. О результатах доследственной проверки ни нам, ни «Новой газете» до сих пор не сообщали. У нас есть веские основания предполагать предвзятость этой проверки, потому что еще до ее начала должностные лица, включая пресс-секретаря Президента Российской Федерации, публично заявляли, что информация о преследованиях геев в Чечне «не подтвердилась».

Когда информация о преследованиях получила широкий международный резонанс, российские официальные лица изменили риторику. Уполномоченная по правам человека в РФ, Т. Москалькова стала заявлять, что она готова «обеспечить государственную защиту [жертвам преступлений] или же патронировать правоохранительные органы». Заявления Москальковой подхватил МИД РФ, который устами министра и представителей посольств стал рассказывать о неких «гарантиях», которые готова предоставить Москалькова, и «разбирательстве с ситуацией», которое она проводит «по поручению президента». Между тем, российское законодательство не наделяет Уполномоченного по правам человека в РФ никакими полномочиями по участию в расследовании уголовных преступлений, ни по государственной защите их жертв и свидетелей. Таким образом, меры, о которых публично говорят представители российского государства, заведомо неэффективны. Упомянутые заявления также позволяют предполагать отсутствие у государства желания вести уголовное расследование должным образом.

Жертвы и свидетели преследований геев в Чечне на сегодняшний день лишены защиты закона. Функции госзащиты осуществляет специальное управление при МВД РФ (в регионах – так называемые ЦГЗ (Центры госзащиты при местных МВД)). Преследование жителей Чечни по мотиву гомосексуальной ориентации – это чисто чеченское преступление, невозможное ни в одном другом регионе России. И в такой ситуации эффективное применение федерального закона о госзащите становится невозможным: одни сотрудники чеченского МВД должны обеспечивать жителям Чечни защиту от других сотрудников чеченского МВД или, что еще хуже, от руководства республики, которое сотрудники отдела ЦГЗ одновременно и охраняют.

Чеченские полицейские не только не заинтересованы в защите жертв и свидетелей в этом деле, но и делают все, чтобы заставить молчать их и их родственников. Они владеют исчерпывающими данными, позволяющими легко оказывать давление на этих людей даже за пределами Чечни. Известно, что в поисках жертв и свидетелей чеченские полицейские выезжают в другие регионы России и пользуются поддержкой сотрудников МВД на местах. В таких условиях жертвы и свидетели не имеют возможности обращаться в правоохранительные органы с заявлениями о совершенных преступлениях.